

не давали оригінальних відповідей, мислили стандартно, але діти I групи були більш сконцентровані, зацікавлені спілкуванням з дорослим, тому навіть підхід до виконання тесту в них був інший, хоча багато дітей II групи теж показали достатньо цікаві результати виконання субтестів. Діти I групи показали себе більш зорієнтованими у вирішенні того чи іншого завдання, вони швидко включалися в роботу, якщо не вдавалося зробити щось одразу починали придумувати інший підхід для вирішення поставленого завдання. Діти ж II групи швидше втомлювалися і не намагалися розв'язати завдання інакше.

ЛІТЕРАТУРА

1. Дружинин В. Н. Экспериментальное исследование формирующего действия микросреды на креативность / В.Н. Дружинин, Н.В. Хазратова // Психологический часопис. – К. – 1994. – № 4. – С. 21–24.
2. Козловский О. В. Открой в себе гения / О.В. Козловский. – Донецк : ООО ПКФ «БАО», 2005. – 736 с.
3. Психологічний словник / за ред. В.І.Войтка. – К.: Вища школа, 2003. – 235 с.
4. Шадриков В. Д. Способности, одаренность, талант // Развитие и диагностика способностей. – М.: Наука, 1991. – 361 с.

Загребельная О. О. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПО ФАКТОРУ «БЕГЛОСТЬ» ПО МЕТОДИКЕ ДЖ. ГИЛФОРДА, Е.П. ТОРРЕНСА

В статье представлен экспериментальный анализ исследования креативности и творческого мышления детей старшего дошкольного возраста с ограниченными возможностями по методике Дж. Гилфорда, Е.П. Торренса (модификацией Е.Е. Туник) в сравнении с детьми с нормальным физическим развитием по фактору «беглость».

Ключевые слова: *ребенок с ограниченными возможностями, креативность, одаренность, беглость.*

Zagrebelnaya O.O. THE FEATURES OF STUDYING OF CREATIVITY OF THE SENIOR PRESCHOOL CHILDREN WITH DISABILITIES IN TERMS OF «FLUENCY» ACCORDING TO THE METHOD J. GUILDFORD, A.P. TORRENS

The article presents the experimental analysis of research of creativity and creative thinking of senior preschool age children with disabilities by the method of J. Guilford, E.P. Torrens (modification H.E. Tunick) compared to children with normal physical development of the factor «fluency».

Keywords: *child with disabilities, creativity, talent, fluency.*

УДК 159.923:291.4

Н. Ф. Калина (Крым, г. Симферополь)

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье приводится теоретический анализ религиозности как феномена и концепта. В частности, выполнена концептуализация понятия «религиозность», на основе фукианской теории субъекции, которая понимает данный феномен как специфическую субъектность, конституирующуюся в отношениях с трансцендентальной высшей сущностью (Богом). При этом религиозность предполагает отношения зависимости и подчинения различной степени тотальности. В контексте феномена религиозности анали-

зируются конкретные механизмы субъекции и производных от них личностных и поведенческих структур, в частности, интерпелляция и дискурсивность.

Ключевые слова: религиозность, субъекция, субъективация, интерпелляция, дискурсивность, хора.

Постановка проблемы. Современная религиозность представляет собой сложный, многоаспектный феномен, его структура и функционирование весьма неоднородны. Подавляющее большинство исследований религиозности в отечественной традиции [см. 2, 3, 4] являются описательно-эмпирическими, что естественно для разноплановой и постоянно изменяющейся картины религиозной активности личности в нестабильном обществе.

Однако, несмотря на то, что современная религиозность в массе своей может рассматриваться как реализующаяся на личностном уровне поведенческая защитная стратегия, способствующая снятию тревоги в условиях стабильно фрустрирующей социальной ситуации в обществе и государстве, назрела необходимость содержательного теоретико-экспериментального изучения данного феномена.

Перед началом такого исследования представляется необходимым сформулировать его теоретико-методологические основы. Последние не должны быть произвольными, исходить следует из сущностной основы исследуемого феномена, а именно – из того непреложного факта, что религиозность как таковая коренится в отношениях человека с чем-то высшим, трансцендентальным (Богом) и предполагает отношения зависимости и подчинения различной степени тотальности. Поэтому естественной методологической основой исследования религиозности должна выступать постмодернистская *теория субъекции*, разработанная М. Фуко и его последователями.

Поскольку постмодернизм, эта влиятельнейшая философская традиция современности, по-прежнему мало востребован отечественными психологами, многие из которых остаются верны вундтовской психологии, слегка сдобренной положениями материалистической диалектики, остановимся на указанной теории поподробнее. Этимологическое значение слова «субъекция» – акт или факт подчинения (родителям, монарху, Богу или верховной власти), состояние подчиненности и нахождения под властью, влекущее за собой открытость этой власти и обязательства перед нею. Любой согласится с тем, что более четкое описание отношений человека с Богом представить трудно.

Субъекция как форма власти задает координаты *субъектности* – этим термином обозначается конкретный результат акта единичного конституирования или самоконституирования субъекта (в его постмодернистской трактовке – как изменчивого, непостоянного, детерминированного стратегиями субъективации, бессознательными или заданными извне). В исследуемом контексте стратегия субъективации определяется пассионарной привязанностью субъекта к Богу.

Эта специфическая привязанность (возможно, самая тотальная из существующих) отличается от проявлений других форм власти – родительской, гендерной или государственной. Любая власть давит на субъект извне, подчиняет его и ставит в зависимость, вызывая сопротивление или хотя бы же-

лание оного. «Но если, – пишет Дж. Батлер, – мы понимаем власть также как формирующую субъект, как обеспечивающую само условие его существования и траекторию его желания, тогда власть есть не просто то, чему мы противостояем, но также в конечном итоге то, от чего мы зависим в самом нашем существовании, и то, что мы скрываем и сохраняем в своем бытии» [1, с. 16].

Теологи неоднократно анализировали весь объем описанных выше отношений – начиная с представления о полном и тотальном контроле высших сил над человеческой природой, требующего абсолютного предания себя в руки Бога (как в исламе¹), и заканчивая относительной свободой воли и выбора, независимости человеческой судьбы от божественного провидения (идеи позднего протестантизма). Психологов же в большей степени интересует проблема конкретных механизмов субъекции и производных от них личностных и поведенческих структур.

У данной проблемы можно выделить два аспекта, обусловленных соответственно сознательным и бессознательным уровнем субъективации. На уровне сознания личность, прежде всего, имеет дело с так называемым *эффектом реальности*. То есть для неверующего всегда существует фундаментальное сомнение в онтологической репрезентации объекта (субъекта), чей десигнат существует только в семиотическом пространстве веры. А для человека религиозного это сомнение снимается либо априорно («наивная» вера в результате доверчивой интроспекции религиозных смыслов и ценностей в дошкольном детстве и младшем школьном возрасте), либо референциально, посредством принятия герменевтической традиции конкретных священных текстов. Даже при явной нелепости содержания последних верующий субъект не испытывает онтологических сомнений – библейские несуразности (вместимость Ноева ковчега, остановка Солнца ради победы иудеев над язычниками и т.п.) рассматриваются как метафоры или аллегории.

Субординированность (буквально – «подчинение порядку») властью во всем многообразии своих конкретных психологических механизмов реализуется на уровне бессознательного. Как подчеркивал еще К.Г.Юнг, власть религии и веры широко представлена в коллективном бессознательном; важным архетипическим атрибутом является *нуминозность*, обычно связанная с религиозным опытом субъекта. Индивидуально в формировании религиозности участвуют два основных механизма субъективации: *интерпелляция* и *дискурсивность* (производительная способность дискурса по М. Фуко).

Интерпелляция (взывание или запрос) является основной целью религиозных институтов и церковных структур. Классическая ее форма – проповедь: церковь постоянно взывает к людям, и ее призывы направлены на все аспекты человеческого существования. Они касаются греховности человеческой природы, необходимости сдерживать влечения, раскаяния в грехах, надежды на милость господню, противостояния гордыне и пр. Каковы же причины, по которым субъект откликается на призыв?

---

¹ Слово «ислам» буквально значит «предаться в руки Бога». Принять ислам – предать себя Аллаху, имя «муслим», от которого происходит название мусульманской религии, означает «предавший себя в руки Аллаха».

В соответствии с принципом интересубъективности (Э.Гуссерль) принято считать, что за такой отклик ответственны внутренние сущностные особенности субъекта, преимущественно неосознаваемые и зависящие от ранних форм получения и переживания наслаждения (*jouissance*), его желания-звания. Эти механизмы созданы запросом и создают чувствительность к нему: концептуальный переход от внешней субъекту к присущей ему власти означает расщепление и/или инверсию, присущую самому субъекту. Запрос формирует субъекта со стороны его экзистенциальной неполноты и открытости миру. Религиозный запрос формирует субъекта в его открытости Богу.

В случае запроса верующего – это, главным образом, запрос на смысл. Смысл бытия других и собственной жизни, смысл страданий и потерь, смысл каждодневного труда, смысл как высшая экзистенциальная ценность: надежда на конечную справедливость и воздаяние (идея последнего Суда). Фактически запрос религиозного субъекта есть запрос на бытие Бога, тотально определяющего его (субъекта) собственное бытие. Перед нами пример взаимно согласованной интересубъективности, где субъекция одной инстанции порождает другую и, в свою очередь, ею же порождается. Своего рода семиотический уроборос.

В отличие от интерпелляции дискурсивность задает для субъекта некий порядок, вписывая его в социальные структуры. Как показывают многочисленные исследования, религиозный дискурс на протяжении человеческой истории представлял собой главный фактор легитимации социальных норм, правил и отношений. Для отдельной личности религия и ее ритуалы всегда были событием важнейшей экзистенциальной ценности. Только внутри религиозной общины достигалось переживание целостности бытия и знания о нем, переживание сущности во всей его интенсивности и особой жизненной полноте. Благодаря воцерковленности личность ощущала свою укорененность в бытии, в сфере закономерного правильного, упорядоченного, в сфере блага и добра. Религия сплавляла людей в социум, упорядочивала, помимо природных, также и социальные связи и отношения обмена и взаимных обязательств. Конфессиональная принадлежность порождала чувство эмоциональной и духовной общности, социализировала импульсы, предоставляя взамен агрессивных и конкурентных тенденций возможность взаимности, конструктивных социальных отношений.

Как проводники дискурсивности, религиозные ритуалы по-прежнему сопровождают наиболее значимые моменты ее жизни: рождение, смерть, бракосочетание, смену социального статуса и пр. Крещение или обрезание приобщают младенца к социальной группе, миропомазание освящает власть монарха, молебен сопровождает президентскую инаугурацию, чтение «Фатихи»² гарантирует честность и надежность деловых переговоров и т.п. Осознание своей принадлежности к порядку, своего места в структуре не просто дает субъекту ощущение стабильности существования, снимая тревогу, связанную с экзистенциальной заброшенностью в мир, но формирует систему

---

² Одна из сур Корана.

его запросов, обусловленных бессознательными желаниями. Природа последних представлена в сознании только актом вытеснения, а религия и вера купируют оставшиеся на месте этого вытеснения аффекты тревоги и вины.

На глубоко бессознательном уровне субъектность верующего детерминирована не содержательно, а формально, посредством хоры. *Хора* (предложенное Ю.Кристовой понятие для обозначения специфического ритма динамики бессознательных процессов) представляет собой феномен самодвижения семиотических сред с непрерывно пульсирующими изменениями своего направления и формы. Подобно сердцебиению, перистальтике и сокращению диафрагмы в человеческом организме, в бессознательном также происходит постоянное движение потоков неструктурированного опыта, обмен фрагментами смыслов, эмоций, образов и значений. Они изменяются, взаимодействуют, деформируются. Это и есть неозначиваемое Реальное (в лакановском смысле), а хора – форма и способ его динамического, изменчивого существования.

Хора религиозного опыта (как, впрочем, и любая другая), хотя и не телеологична, но по-своему продуктивна. В результате стихийной агрегации различных семиотических «осколков» она порождает архетипические комплексы религиозно-мистических переживаний, непосредственная чувственная данность которых в силу своей хаотичности запускает базальную тревогу субъекта: субъекция хоры ужасает, она неименуема. А религиозная субъекция упорядочивает и структурирует этот хаос – в той мере или степени, в какой субъект следует религиозным нормам, предписаниям и ценностям.

Компульсивные пульсации хоры, априорный доязыковый опыт субъекта не нуждаются в легитимации – младенец пребывает вне социальных и вообще любых символических структур. В дальнейшем у взрослого субъекта след хоры сохраняется в виде фантазмов – неосознаваемых сценариев получения удовольствия-наслаждения (*jouissance*). Любые аспекты опыта, конгруэнтные таким первоначальным фантазмам, переживаются как нуминозные (религиозное чувство). Любые связанные с ними импульсы и мотивы абсолютно легитимны.

Выводы. Подводя итоги, следует заключить, что религиозность можно рассматривать как *феномен* и как *концепт*. Феноменологически религиозность соотносится со своим субстратом (личная или групповая), определяется степенью выраженности и спецификой проявления (поверхностная, аутентичная, невротизирующая религиозность), зависит от форм присвоения религиозных правил и ценностей (стихийная, конфессиональная, эклектическая) и т.д. Разумеется, данный перечень неполон, ибо основы любой феноменологической классификации в той или иной степени произвольны.

Концептуализация, выполненная на основе фукианской теории субъекции, понимает религиозность как специфическую субъектность, конституирующуюся в отношениях с трансцендентальной высшей сущностью (Богом). Представления о Боге (как и сама идея высшей сущности) формируются в результате отсроченного структурирования и интерпретации продуктов бессознательного семиозиса, основанного на ранних доязыковых (в т.ч. и пренатальных) фрагментах опыта. Религиозность как субъекция отвечает фундаментальному экзистенциальному запросу на осмысленность бытия мира и собст-

венного существования. Более того, свойственные этой форме субъекции дискурсивные практики и стратегии семиотизации опыта намного превосходят своей эффективностью любые другие (магические или научные)³ концепции мироздания. Поэтому религиозность следует рассматривать как одну из важнейших, фундаментальных характеристик личности, порожденную сверхлегитимной стратегией субъективации. И в этом своем качестве она заслуживает серьезного психологического изучения, далекого от представлений о религиозности как пережитке или протективной стратегии объектных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батлер Дж. Психика и власть / Дж. Батлер. – Харьков: ХЦГИ; СПб. : Алетейя. – 2002. – 168 с.
2. Баркер А. Новые религиозные движения / А. Баркер. – СПб. : Речь – 1997. – 144 с.
3. Безрогов В. Г. Некоторые результаты и методы исследования психологии и социологии религии в работах зарубежных исследователей / В. Г. Безрогов // Религиоведение = Study of religion. – Благовещенск; М., 2002. – N 1. – С. 119-136.
4. Грановская Р. М. Психология веры / Р.М. Грановская. – СПб. : Речь. – 2004. – 576 с.
5. Кристева Ю. Силы ужаса / Ю. Кристева. – Харьков: ХЦГИ; СПб. : Алетейя. – 2003. – 256 с.
6. Ле Гофф Ж. Средневековый мир Воображаемого / Ле Гофф Ж. – М. : Прогресс. – 2001. – 444 с.
7. Фуко М. Надзирать и наказывать / М. Фуко. – М. : Ad Marginem. – 1999. – 478 с.
8. Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. – СПб. : А-сэд. – 1994. – 406 с.

Каліна Н. Ф. ВИВЧЕННЯ РЕЛІГІЙНОСТІ В СУЧАСНОМУ СУСПІЛЬСТВІ

У статті наводиться теоретичний аналіз релігійності як феномена та концепту. Зокрема, здійснено концептуалізацію поняття «релігійність», на основі фукіанської теорії суб'єкції, яка розуміє даний феномен як специфічну суб'єктність, що конститується у взаємовідносинах із трансцендентною сутністю (Богом). При цьому релігійність передбачає відносини залежності та підпорядкування різного ступеня тотальності. У контексті феномену релігійності аналізуються конкретні механізми суб'єкції та похідних від них особистісних та поведінкових структур, зокрема, інтерпеляція та дискурсивність.

Ключові слова: релігійність, суб'єкція, суб'єктивация, інтерпеляція, дискурсивність, хора.

Kalina N. ANALYSIS OF RELIGIOSITY IN THE MODERN SOCIETY

The article deals with the theoretical analysis of religiosity as a phenomenon and as a concept. Particularly, the author conceptualizes the notion 'religiosity', on the basis of Foucault's theory of subjection, which defines this phenomenon as a specific subjection, that is constituted in the relationships with higher transcendent substance (God). Herewith religiosity implies the relationships of dependence and submission of different grades of totality. In the context of religiosity the specific mechanisms of subjection and corresponding personality and behavior structures, i.e. interpellation and discursivity are analyzed.

Keywords: religiosity, subjection, subjectivation, interpellation, discursivity, chora.

³ См. у Д.Дж.Фрейзера теорию трех последовательно сменявших друг друга форм объяснения законов мироустройства: магия – религия – наука.